

вилъ, то правила Талмуда разрослись въ неисчислимое множество предписаній, которыя опутываютъ жизнь іудея своимъ формализмомъ, извращающимъ высокій смыслъ нравственныхъ требованій. Если во времена Іисуса Христа іудеи преступали и разоряли заповѣди Божіи ради преданій (Мат. 15), то талмудическія преданія поставляютъ внѣшнюю законность вмѣсто нравственного закона Божія. Ученіе о правдѣ и святости новоіудейство исказило казуистическими толкованіями. Отчуждаясь отъ всѣхъ другихъ народовъ, охраняя свои національныя особенности въ духѣ древней исключительности, новоіудейство понимаетъ высокое религіозное призваніе евреевъ по отношенію ко всему роду человѣческому въ смыслѣ своего безусловнаго превосходства надъ всѣми народами и предопредѣленнаго господства надъ ними какъ особой національности; особенно ненавистію отличаются предписанія талмуда къ христіанамъ, которыхъ приравниваютъ къ язычникамъ. По отношенію къ христіанамъ дозволительно клятвoprеступленіе, обманъ и проч. Талмудъ ограничиваетъ нравственныя отношенія іудеевъ только соплеменикамъ; вмѣсто нравственныхъ требованій талмудъ безмѣрно увеличиваетъ количество обрядовъ, безусловно-обязательныхъ для іудея ¹⁾. Богослуженіе новоіудейства ограничивается исполненіемъ собственно однихъ домашнихъ обрядовъ и молитвъ; по разрушеніи іерусалимскаго храма и своемъ разсѣяніи между другими народами, іудеи лишены возможности отправлять богослуженіе по закону Моисея. Надъ іудеями исполняются пророческія слова Моисея о разсѣяніи ихъ между народами и презрѣніи къ нимъ (Втор. 28, 64, 37), Даніила: „прекратится жертва и приношенія и во святилицѣ будетъ мерзость запустѣнія“ (Дан. 9, 27) и Осіи: „долгое время сыны израилевы будутъ оставаться безъ жертвы, безъ жертвенника“ (Осіи 3, 4), „пока не обратятся и не взыщутъ Господа Бога своего и Давида, царя своего, въ послѣдніе дни“ (ст. 5). Глубоко скорбя, какъ Моисей (Исх. 32, 32), объ ослѣпленіи іудеевъ, Ап. Павелъ говоритъ о имѣющемъ послѣ-

¹⁾ Такъ, относительно пищи въ Талмудѣ существуетъ болѣе 3,000 предписаній, объ умовеніи ногъ—100, о покоѣ дня субботняго—около 1,000, съ казуистическими исключеніями въ пользу нѣкоторыхъ дѣлъ.

довать нѣкогда всеобщемъ обращеніи Израиля (Рим. 9, 2—9; 11, 25—26) ¹⁾.

Либеральная іудейская партія ведетъ свое начало отъ ученаго іудея Моисея Мандельзона (третьяго Моисея), жившаго въ концѣ XVIII в.; она не составляетъ въ новоіудействѣ отдѣльной секты, но представляетъ собою направленіе, образовавшееся подъ вліяніемъ раціоналистическихъ идей, существующихъ въ христіанскихъ обществахъ. Іудеи этого направленія понимаютъ недостатки талмудическаго вѣроученія и нравоученія, сухость и безжизненность формализма, и пытаются освободиться отъ нихъ, преобразуя талмудизмъ сообразно съ новыми требованіями времени, не разрывая однако-жъ связи съ талмудистами. Основное возрѣніе этой партіи раціоналистическое; такъ, она считаетъ ветхозавѣтныя предписанія и учрежденія приспособленными ко времени, мѣсту, обстоятельствамъ и условіямъ жизни древнихъ евреевъ. Ученіе о единомъ Богѣ принимаетъ у нихъ характеръ философскаго теизма; пришествіе Мессіи принимается, какъ наступленіе эпохи полного развитія цивилизации и успѣховъ прогресса. Тотъ выходъ изъ талмудизма, который указываетъ новоіудейству либеральная партія въ раціонализмъ, неизбѣжно ведетъ къ разложенію и разрушенію всего, что осталось въ новоіудействѣ отъ ветхозавѣтной религіи. Конечно, это направленіе новоіудейства еще не окончательно выяснилось, но нельзя не сказать, что ставши подъ знамя раціонализма, существующаго въ христіанскихъ обществахъ, оно должно раздѣлять вмѣстѣ съ нимъ и его судьбу.

О магометанствѣ. Для христіанской апологетики магометанство имѣетъ интересъ, какъ попытка вывести ветхозавѣтную религію изъ сферы узкой, національной исключительности, свойственной іудейству, и сдѣлать ее общечеловѣческою или всемірною религіею. Въ магометанство входятъ разнообразныя элементы, заимствованныя изъ іудей-

¹⁾ Отъ іудеевъ талмудистовъ, или раввинистовъ, отличаются караимы, или кареи, отдѣлившіеся отъ нихъ въ концѣ VI в. въ Вавилонѣ при Хамѣ (мудрецъ) Ананѣ. Караимы отвергаютъ талмудъ, держатся исключительно св. книгъ Ветх. Зав., исповѣдуютъ вѣру во Единаго Бога, ожидаютъ пришествія Мессіи. Они живутъ въ ю.-з. губерніяхъ Россіи, Галиціи, Турціи и Персіи; но ихъ немного, сравнительно съ талмудистами.

ства, христіанства и арабскихъ преданій, но главнымъ образомъ оно' опирается на почвѣ ветхозавѣтной. Преданія Арабовъ восходятъ ко временамъ древнѣйшихъ праотцевъ еврейскаго народа. По происхожденію своему Арабы принадлежатъ къ семитическому племени и состоятъ въ ближайшей племенной связи съ евреями, какъ потомки сына Авраамова Измаила. Но первобытныя монотеистическія преданія семитовъ и семейства Авраамова ко времени Магомета (VI в. по Р. X.), если не совершенно устранились (какъ напр. въ сектѣ Ганировъ), то затмились. Религія Арабовъ до Магомета—грубый политеизмъ; каждое племя имѣло своихъ боговъ, идолами которыхъ была наполнена Кааба—этотъ арабскій пантеонъ. Искаженіе первобытнаго монотеизма выразилось въ половомъ дуализмѣ: арабы, кромѣ Аллаха (еврейскій Элоагъ) признавали богиню Аллатъ. Въ преданіяхъ арабовъ есть слѣды вліянія религій другихъ семитовъ восточныхъ, сохранившіеся въ магометанствѣ. Оживленіе и возстановленіе первобытнаго монотеизма произошло подъ вліяніемъ новоіудейскихъ и христіанскихъ религіозныхъ понятій.

Магометъ, основатель исламизма (род. 570, а умеръ 632), очень рано познакомился съ религіозными ученіями іудеевъ въ самой Аравіи,—мать его Амина была іудейка; Варакъ, родственникъ его, былъ тоже еврей: во время своихъ путешествій по торговымъ дѣламъ онъ встрѣчался съ іудеями и христіанами, изъ которыхъ извѣстно его знакомство съ несторіанскимъ монахомъ Сергіемъ. — Другихъ источниковъ къ познанію Ветхаго и Новаго Завѣтовъ онъ не имѣлъ. Самъ Магометъ называлъ себя неученымъ; говорятъ, что онъ былъ неграмотный. Достоверно то, что онъ не читалъ свящ. писанія, но зналъ свящ. исторію по рассказамъ знакомыхъ ему іудеевъ и христіанъ; это доказывается характеромъ повѣствованій Корана о событіяхъ какъ ветхозавѣтной, такъ и новозавѣтной исторіи. Всѣ повѣствованія его составлены подъ вліяніемъ преданій, Талмуда, христіанскихъ апокрифовъ и носятъ ихъ отпечатокъ. Шпренгеръ въ своемъ изслѣдованіи о Магометѣ дѣлаетъ сличеніе повѣствованій Корана съ Библіею и указываетъ ихъ источникъ въ апокрифическихъ преданіяхъ. Магометъ признавалъ Библію божественнымъ откровеніемъ, — Адама, Ноя, Авраама, Исаака, Измаила, Іакова, Моисея, Іова и почти

всѣхъ ветхозавѣтныхъ пророковъ—провозвѣстниковъ истинной религіи; Иисуса Христа онъ называлъ Мессією, рожденнымъ сверхъестественнымъ образомъ отъ св. Духа и Маріи Дѣвы, чудотворцемъ; говоритъ, что Іудеи распяли вмѣсто Него призракъ Его. Богъ вознесъ Иисуса къ Себѣ на небо. Адама, Авраама, Моисея и Иисуса Магометъ почиталъ великими пророками, чрезвычайными посланниками божіими, которымъ Богъ сообщалъ свое откровеніе. Къ числу ихъ Магометъ присоединяетъ себя, какъ послѣдняго и величайшаго изъ нихъ. Онъ посланъ Богомъ для подтвержденія и сохраненія закона Моисеева и Евангелія. Люди забывали прежнія откровенія Божіи, дѣлали свои прибавленія къ нимъ, вступали въ споры между собою и приходили къ разногласію. Потому Богъ посылалъ новыхъ посланниковъ своихъ для подтвержденія того, что было открыто прежде, наконецъ, послалъ его, Магомета. Однакожь Магометъ считаетъ законъ Моисея, особенно обрядовый, даннымъ только для евреевъ. Что касается Евангелія, то Магометъ считаетъ произвольнымъ прибавленіемъ къ нему ученія о Пресвятой Троицѣ, о Божествѣ Иисуса Христа и отвергаетъ его богооткровенный характеръ. Троичность Лицъ въ Божествѣ онъ представляетъ въ искаженномъ видѣ, не имѣющемъ ничего общаго съ христіанскимъ ученіемъ, даже еретическимъ; троичность, по Магомету, составляютъ: Богъ, Марія, Иисусъ (доказательство, что онъ не зналъ христіанскаго ученія и не читалъ Евангелій). Когда онъ увѣряетъ, что посланъ для подтвержденія откровенія, содержащагося въ законѣ Моисея и въ Евангеліи, то подъ именемъ откровенія разумѣетъ преданіе о томъ, что откровеніе было и прежде; о дѣйствительномъ подтвержденіи Моисеева закона и Евангелія Магометомъ не можетъ быть и рѣчи. Той внутренней исторической связи, которая существуетъ между закономъ Моисея и Евангеліемъ, между Ветхимъ и Новымъ Завѣтомъ, не существуетъ между ними и кораномъ Магомета. Темное воспоминаніе о происхожденіи арабовъ отъ Авраама оживилось подъ вліяніемъ іудейскихъ апокрифовъ. Происхожденіе арабовъ отъ Авраама чрезъ Измаила дѣлаетъ понятнымъ то предпочтеніе, которое Магометъ даетъ состоянію религіи временъ патриархальныхъ предъ религіей Моисея и христіанскою.

Магометанство не содержитъ въ себѣ никакихъ признаковъ сверхъестественнаго откровенія. Магометъ не однократно говорить, что онъ получалъ откровенія отъ Бога, чрезъ Ангела Гавріила, неоднократно бесѣдовалъ съ нимъ и самимъ Аллахомъ. Шпренгеръ доказываетъ, что Магометъ былъ подверженъ мускулярной эпилепсіи (падучей болѣзни); галлюцинаціи зрѣнія и слуха. Откровеніе дается Магомету, по его повѣствованію, совершенно внѣшнимъ образомъ, какъ написанная Богомъ книга, продиктованная ему Архангеломъ Гавріиломъ, таково, по его ученію, происхожденіе корана (гл. 13, ст. 36—37). Богъ самъ изложилъ коранъ на арабскомъ языкѣ (41—44); при такомъ образѣ откровенія о боговдохновеніи не можетъ быть рѣчи. (Извѣстно, что коранъ написанъ послѣ смерти Магомета). Когда многіе выражали Магомету свое невѣріе въ его чрезвычайное посланничество и спрашивали, почему онъ не творитъ знаменій и чудесъ въ подтвержденіе его, — онъ отвѣчалъ, что онъ только наставникъ, что многіе не вѣрили прежнимъ посланникамъ Божиимъ, но за свое невѣріе были наказаны Богомъ. Но тѣмъ не менѣе магометанскія сказанія украсили жизнь Магомета многими чудесами, еще съ самаго ранняго его дѣтства. Но не понятно, замѣчаетъ Шерръ, какъ сверхъестественныя силы, окружавшія колыбель Магомета, не могли предохранить его отъ эпилепсіи. Магометъ не былъ также и провозвѣстникомъ будущаго, или пророкомъ, но онъ указывалъ неопредѣленно, что о немъ предсказано въ Библии (26, 196), какъ о новомъ, имѣющемъ придти, посланникѣ, которому имя Ахмедъ (гл. 61, ст. 6), (Ахмедъ значитъ славный, вождельный); по магометанскому толкованію здѣсь разумѣется мѣсто Евангелія отъ Іоанна о ниспосланіи Утѣшителя Духа Святаго (14, 26) вм. *Παράκλητος*—*Παράκλητος*—славный, вождельный (Ахметъ). Но въ Евангеліи исполненіе обѣтованія относится къ ближайшему времени: Апостолы должны были ожидать его исполненія въ Іерусалимѣ (Лук. 24, 49). Что касается личнаго характера Магомета, то ему менѣе всего приличенъ признакъ святости, по его чувственнымъ наклонностямъ, излишество которыхъ онъ оправдалъ преимуществомъ, даннымъ ему, какъ посланнику Аллаха, — по его фанатизму и мстительности. Наконецъ, противъ сверхъестественнаго

характера магометанства говоритъ самый способъ распространения этой религіи огнемъ и мечемъ.

Магометанская религія—монотеистическая. „Нѣтъ другого Бога, кромѣ Аллаха“; это основной догматъ ея. Богъ имѣетъ личное бытіе, есть Творецъ и Промыслитель міра. Единобожіе у магометанъ понимается въ смыслѣ единоличія. Богъ открываетъ себя только въ мірѣ. Понятіе о Богѣ Магометъ составилъ по типу восточнаго деспота, безусловно властвующаго надъ своими подданными, карающаго и милующаго по своей прихоти, внушая страхъ и боязнь. По характеру вѣроученія магометанство примыкаетъ съ одной стороны къ деизму, ограничивая отношеніе Бога къ людямъ только тѣмъ, что Богъ далъ законъ, милуетъ за исполненіе его и караетъ за неисполненіе; а съ другой—къ пантеизму, представляя Бога единственною силою, дѣйствующею въ мірѣ. Эта двойственность основного магометанскаго ученія о Богѣ выразилась въ распаденіи магометанства на секты, изъ которыхъ въ однихъ преобладаетъ деистическое направленіе, наприм. въ сектѣ Мотацилитовъ, отвергавшихъ магометанскій фанатизмъ, Хурремиевъ, или магометанскихъ эпикурейцевъ и Вехабитовъ; въ другихъ сектахъ,—каковы: болѣе древній Суффізмъ и новѣйшій — Бабизмъ, преобладаетъ направленіе пантеистическое: первыя секты появились и существуютъ въ странахъ западныхъ, а послѣднія — въ восточныхъ. Нравоученіе магометанства основано на страхѣ и боязни предъ карающимъ правосудіемъ Божиимъ и вытекаетъ изъ основного ученія объ отношеніи Бога къ міру и человѣку. Понятіе нравственности ограничено исполненіемъ закона, безъ указанія его существа и высокой цѣли нравственнаго совершенства человѣка. Нравственныя отношенія магометанъ ограничены единовѣрцами; по отношенію къ невѣрнымъ заповѣдуются истребительная война, или же порабощеніе. Но и среди единовѣрцевъ лишены полноправности женщины. Магометъ заповѣдуетъ своимъ послѣдователямъ ежедневныя, пятикратныя молитвы и омовенія, милостыню, постъ, путешествіе въ Мекку и проч., но не какъ религіозно-нравственныя обязанности, а какъ внѣшнія предписанія для исполненія. Понятіе о грѣхѣ ослаблено до степени неисполненія закона. Такой же смыслъ имѣетъ повѣствованіе Магомета о грѣхопаденіи первыхъ людей. Богъ

повелѣлъ Адаму наречь имена ангеламъ (а не животнымъ), потомъ повелѣлъ ангеламъ поклониться Адаму, какъ своему намѣстнику на землѣ; всѣ поклонились, кромѣ Ивлиса (дьявола); отсюда зло въ мірѣ. По его наущенію Адамъ преступилъ заповѣдь Божію и вкусилъ отъ запрещеннаго плода; въ наказаніе за свое преступленіе Адамъ былъ изгнанъ изъ рая; потомъ покаялся и былъ прощенъ Богомъ, но не возвращенъ къ райской жизни. Грѣхопаденіе прошло почти безслѣдно для согрѣшившихъ. Съ ослабленіемъ понятія о грѣхѣ, ослабляется понятіе о добродѣтели и нравственномъ законѣ. Совѣсть магометанина не возмущается самыми грубыми преступленіями во славу ислама. Чувственность какъ бы освящается ученіемъ о воздаяніи вѣрнымъ послѣдователямъ Ислама въ загробной жизни. Отъ ветхозавѣтной религіи Магометъ заимствовалъ нѣкоторые обряды, обрѣзаніе, омовенія, жертвы, но безъ того высокаго символическаго значенія, которое они имѣли въ Ветхомъ Завѣтѣ; они являются формальностями, лишенными религіознаго смысла. Богослуженіе магометанъ, отправляемое въ мечетяхъ, состоитъ только въ молитвахъ и толкованіи корана, не имѣя въ своей религіи никакого содержанія для выраженія въ богослужебныхъ дѣйствіяхъ. Праздники магометанъ относятся къ событіямъ изъ жизни Магомета, его рожденію, дарованію ему корана, рожденію его дочери Фатимы и къ нѣкоторымъ событіямъ ветхозавѣтной исторіи.

О священныхъ книгахъ Нового Завета. Канонъ новозавѣтныхъ свящ. книгъ, въ числѣ 27, составилъ въ продолженіи меньшаго періода времени (около 60 л.). Свящ. книги были писаны въ разныхъ мѣстахъ обширной Римской имперіи; нужно было время для того, чтобы онѣ сдѣлались извѣстными всѣмъ церквамъ востока и запада, какъ писанія несомнѣнно принадлежащія боговдохновеннымъ мужамъ, т. е. Апостоламъ. Другою причиною, замедлявшею ихъ всеобщую извѣстность, были гоненія отъ язычниковъ, затруднявшія сношенія между церквами. Наконецъ требовалась осторожность въ признаніи того или другаго писанія за несомнѣнно апостольское, въ виду множества появлявшихся въ тѣ времена произведеній подложныхъ или апокрифическихъ. Почти всѣ новозавѣтныя книги признавались несомнѣнно апостоль-

скими еще въ 1-ой половинѣ 2-го в., какъ это доказываютъ цитаты изъ нихъ у христіанскихъ писателей,—древнѣйшіе переводы съ греческаго языка, на которомъ онѣ были написаны апостолами, на языки латинскій и сирійскій, и каталоги свящ. книгъ. Къ началу IV в. всѣ 27 св. книгъ исчисляются, какъ книги каноническія (въ правилахъ Аѳанасія Великаго, Кареагенскаго собора и Амфилохія, епископа Иконійскаго). Мы ограничимся главными доказательствомъ подлинности и достовѣрности нашихъ Евангелій, какъ законоположительныхъ книгъ Новаго Завѣта, и укажемъ положеніе вопроса о нихъ въ средѣ отрицательной критики.

Положительныя доказательства подлинности Евангелій отъ Матвея, Марка, Луки и Іоанна. а) Непосредственная сила убѣжденія, присущая евангелистамъ, какъ свидѣтелямъ и очевидцамъ повѣствуемыхъ событій или современникамъ ихъ, писавшимъ подъ ихъ непосредственнымъ вліяніемъ. Въ евангельскихъ повѣствованіяхъ все иѣтъ жизни той эпохи. Состояніе Палестины было такъ неустойчиво, подвержено такимъ частымъ измѣненіямъ, что только современники событій могли изложить въ своихъ писаніяхъ особенности положенія дѣлъ въ то или другое время. б) Зависимость послѣдующихъ христіанскихъ писателей отъ апостольскихъ писаній и въ частности отъ Евангелій. Доказательствомъ этой зависимости служатъ многочисленныя мѣста изъ Евангелій, встрѣчающіяся въ сочиненіяхъ писателей II и III вѣка. Изъ мѣстъ, приводимыхъ этими писателями изъ Евангелій, составляетъ полный текстъ 4-хъ Евангелій, съ пропусками по мѣстамъ, только нѣсколькихъ стиховъ. в) Древнѣйшіе переводы Новаго Завѣта на языки: сирійскій (Пешито) и латинскій (Jtala), которые относятся къ половинѣ II-го вѣка. Этому же времени принадлежит индексъ каноническихъ книгъ Новаго Завѣта, найденный ученымъ Муратори въ Миланскомъ монастырѣ въ 1749 г. и своды Евангельскихъ повѣствованій (Тотіанъ). г) Св. Приней († 202 по Р. Х.) епископъ Ліонскій говоритъ: такова достовѣрность нашихъ Евангелій, что ее подтверждаютъ еретики,—прибавимъ: даже язычники. Еретики подтверждаютъ свое ученіе, ссылаясь на Евангелія; язычникъ Цельсъ, писавшій противъ христіанства во 2-мъ вѣкѣ (λόγος τῆς

αληθείας), читаль записки о жизни Иисуса Христа, составленные его учениками.

Состояніе отрицательной критики по вопросу о происхождении Евангелій представляет собою хаосъ противорѣчащихъ одна другой теорій, умножающихся съ появленіемъ новыхъ изслѣдованій. Сужденія отрицательной критики по этому вопросу стали высказываться со 2-ой половины прошлаго столѣтія (Землеръ, Ейхгорнъ), въ духѣ господствовавшего тогда деистическаго рачіонализма и не выходили изъ предѣловъ школы. Критики обращали вниманіе на сходства и различія между Евангеліями и составляли гипотезы для объясненія ихъ. Ейхгорнъ для объясненія сходства между первыми тремя евангеліями сдѣлалъ предположеніе о существованіи письменнаго перво-евангелія, которымъ пользовались евангелисты. Эта гипотеза получила потомъ широкое развитіе. Перво-евангеліемъ одни признавали какое либо одно изъ трехъ первыхъ евангелій, но не въ настоящемъ, а въ какомъ то первоначальномъ видѣ, ссылаясь на неопредѣленные свидѣтельства древнихъ писателей, сохранившіяся въ отрывкахъ, и на передѣлки нашихъ Евангелій у еретиковъ, напр. Маркіона 2-го в. Несостоятельность и ненаучность этихъ гипотезъ, ниспровергающихъ одна другую, видны, во-первыхъ изъ того, что у древнихъ писателей первыхъ вѣковъ нѣтъ ни малѣйшаго указанія на существованіе перво-евангелія одного или нѣсколькихъ, ранѣе нашихъ Евангелій; во-вторыхъ, всѣ указанная гипотезы имѣютъ тотъ недостатокъ, что объясняя сходство между Евангеліями, не объясняютъ ихъ особенностей, или наоборотъ, объясняя особенности, не объясняютъ ихъ сходства,

Штраусъ, своимъ сочиненіемъ „Жизнь Иисуса“, а въ особенности Бауръ, основатель, такъ-называемой, ново-тубингенской школы, положили начало мнѣнческо-легендарной теоріи происхожденія нашихъ Евангелій. Бауръ объясняетъ происхожденіе Евангелій изъ состоянія первобытнаго христіанства, въ которомъ, по его мнѣнію, существовали двѣ партіи: іудейско-христіанская, во главѣ которой стоялъ будто бы апост. Петръ, и противоположная ей партія христіанско-языческая, съ апост. Павломъ во главѣ. Къ произведеніямъ первой партіи Бауръ причисляетъ Евангеліи отъ Маттея и Марка, но не въ настоящемъ,—а въ какомъ то первоначальномъ

ихъ видѣ; ко второй партіи онъ относитъ Евангеліе отъ Луки, въ своемъ первоначальномъ видѣ у еретика Маркіона. Примиреніе этихъ противоположныхъ направленій представляетъ Евангеліе отъ Іоанна, появившееся позже другихъ, именно, по мнѣнію Баура, около половины II-го в. Но исторія церкви не указываетъ никакихъ слѣдовъ существованія въ ней такихъ партій съ апостолами во главѣ. Ап. Петръ проповѣдывалъ преимущественно іудеямъ, но весьма много дѣйствовалъ къ принятію въ Церковь обращающихся язычниковъ (Дѣян. гл. 10—11; гл. 15). Ап. Павелъ проповѣдывалъ преимущественно язычникамъ, потому и называетъ себя апостоломъ языковъ, но всегда пребывалъ въ общеніи съ ап. Петромъ и другими апостолами. Съ своей стороны и ап. Петръ называетъ Павла возлюбленнымъ братомъ и свидѣтельствуетъ о согласіи ученія ихъ обоихъ (2. Пет. 3, 15—16). Если происходили распри между христіанами изъ язычниковъ и христіанами изъ іудеевъ въ Коринѣѣ, Галатіѣ и другихъ мѣстахъ, то ап. Павелъ увѣщевалъ ихъ къ примиренію, указывая на то, что во Христѣ Іисусѣ нѣтъ уже ни іудея, ни язычника, ибо въ Немъ всѣ одно (Гал. 3, 28). Тѣ, которые отдѣлялись отъ церкви, составивши отдѣльное общество, были чужды Церкви, какъ еретики (евіониты и назорей съ одной стороны, а съ другой симоніане, николаиты и другіе предшественники полу-языческаго гностицизма). Что касается самыхъ Евангелій, то Евангеліе отъ Маттея написано ап. Матеемъ сначала на еврейскомъ языкѣ для христіанъ изъ іудеевъ, а потомъ на греческомъ, но отнюдь не въ духѣ исключительности, какъ показываютъ напр. слова Спасителя римскому сотнику: „и во Израилѣ не нашелъ Я такой вѣры“ (Мат. 8, 10), и іудеямъ: „отнимется отъ васъ царствіе Божіе и дано будетъ народу, приносящему плоды его“ (Мат. 21, 43). Евангеліе отъ Марка написано для римскихъ христіанъ, что доказывается характеромъ Евангелія, полнымъ силы и величія, соотвѣтственно характеру римлянъ, — употребленіемъ латинскихъ словъ: спекуляторъ, кодрантъ, центуріонъ. Евангеліе отъ Луки написано для христіанъ изъ грековъ, какъ показываютъ особенности въ характерѣ этого Евангелія: родословіе Іисуса Христа отъ Адама, посланіе 70 апостоловъ на проповѣдь, способъ повѣствованія, соотвѣтствующій характеру грековъ,

которые искали мудрости и литературнаго изложенія. Эти три Евангелія по своему сходству въ планѣ и весьма многимъ подробностямъ извѣстны въ средѣ отрицательной критики подъ именемъ синоптическихъ (*συν'όπτω*).

Новѣйшіе критики Эвальдъ и Гольцманъ утверждаютъ, будто первооснову нашихъ Евангелій составляли записи, принадлежавшія апостоламъ, но пополнявшіяся потомъ различными извѣстными лицами, на основаніи другихъ, частныхъ записей объ ученіи и дѣлахъ Иисуса Христа и устныхъ разсказовъ. Слѣдуетъ только, по ихъ мнѣнію, опредѣлить, на основаніи литературно-филологической критики, какія мѣста Евангелій принадлежатъ самимъ евангелистамъ, и какія—записямъ другихъ лицъ *). Но всѣ древнѣйшія свидѣтельства не даютъ никакого основанія для этой гипотезы. Гипотеза предполагаетъ обширную письменность въ первые вѣка христіанства, тогда какъ это предположеніе явно противорѣчитъ справедливымъ жалобамъ на скудность древнѣйшей христіанской письменности. Наконецъ, еслибы существовало письменное первоевангеліе одно, или нѣсколько, то никакъ нельзя допустить, чтобы такой священный памятникъ былъ предоставленъ на произволъ каждаго, желающаго пополнить, или измѣнить его. Евангелія съ самаго ранняго времени сдѣлались извѣстными всѣмъ Церквамъ. Единственнымъ источникомъ, объясняющимъ происхождение Евангелій, ихъ сходства и особенности служитъ то, что одни изъ евангелистовъ сами были свидѣтелями и очевидцами описанныхъ ими событій и непосредственными учениками Иисуса Христа (Матеей и Іоаннъ), другіе современники событій, учениками апостоловъ (Маркъ и Лука). Какъ сходство въ ихъ повѣствованіяхъ, такъ и особенности, объясняются особенностями ихъ характера, цѣли и другихъ обстоятельствъ. Таковы всегда повѣствованія очевидцевъ одного и тогоже событія.

Не менѣе разнообразія и противорѣчивыхъ мнѣній представляетъ отрицательная критика и по вопросу о происхожденіи четвертаго евангелія отъ Іоанна. Критики об-

1) Въ такомъ же смыслѣ разбираютъ Евангелія Лобштейнъ и другіе, стараясь доказывать, что слова Спасителя, записанныя евангелистами носятъ отпечатокъ личныхъ воззрѣній евангелистовъ; потому не могутъ быть приписаны Ему.

ращаютъ вниманіе на особенности, отличающія это евангеліе отъ синоптическихъ и на этомъ основаніи отвергаютъ его подлинность. Таковы особенности общаго плана евангельской исторіи у Іоанна, повѣствованіе о событіяхъ, не встрѣчающихся у синоптиковъ (напр. о воскресеніи Лазаря). Первые три евангелиста излагаютъ дѣятельность Іисуса Христа въ Галилеѣ, путешествіе въ Іерусалимъ и послѣдніе дни Его жизни. Евангелистъ Іоаннъ распредѣляетъ жизнь Іисуса Христа по Его путешествіямъ въ Іерусалимъ и описываетъ Его дѣла, совершенныя въ этомъ городѣ. Но эти особенности служатъ къ подтвержденію подлинности четвертаго евангелія, указывая на писателя апостола и очевидца, который почиталъ нужнымъ восполнить извѣстныя ему Евангелія своими воспоминаніями. Другая особенность — возвышенно-созерцательный характеръ Евангелія отъ Іоанна, объясняется складомъ дарованій этого евангелиста, близостью его къ Іисусу Христу, какъ ученика „его же любяше Іисусъ“ и высокою духовною зрѣлостью. Характеръ Евангелія указываетъ не на книжную мудрость Іоанна, а на возвышенность его ума и сердца. Какъ на особенно рѣзкое отступленіе этого Евангелія отъ синоптическихъ критики указываютъ на мнимое разногласіе ихъ относительно дня совершенія Пасхи Іисусомъ Христомъ и слѣдующаго за тѣмъ дня Его смерти. По первымъ тремъ Евангеліямъ Пасха совершена была въ первый день опрѣсночный, т. е. въ самый день іудейской пасхи (Матѳ. 26, 17; Марк. 14, 12; Лук. 22, 7-8), или, принимая во вниманіе еврейскій счетъ дней, — наканунѣ этого праздника, который былъ и днемъ смерти Іисуса Христа; а по Евангелію отъ Іоанна Пасха совершена была наканунѣ дня, предшествовавшаго празднику, когда іудеи еще не вкушали пасхи (Іоан. 13, 1; 18, 28). Но всѣ черты повѣствованія евангелистовъ о днѣ смерти Іисуса Христа доказываютъ ихъ полное согласіе между собою. Такъ первые три евангелиста повѣствуютъ о Симонѣ Киринейскомъ, который шелъ съ поля; объ Іосифѣ Аримаеѣйскомъ, который въ тотъ же день купилъ плащаницу (Марк. 16, 46); о женахъ мироносицахъ, которыя купили ароматы. Но всякая работа, купля и продажа была воспрещена въ день праздника. Всѣ евангелисты говорятъ о томъ, что Пилать отпустилъ на праздникъ Вар-

раву, — слѣдовательно не въ самый день праздника. Праздникъ былъ не въ пятницу, когда былъ распятъ Иисусъ Христосъ, а въ субботу (Лук. 23, 56; Иоан. 19, 31).

О Священномъ Преданіи.

Боговдохновенные мужи передавали получаемое отъ Бога откровеніе другимъ людямъ живымъ словомъ и непосредственнымъ наставленіемъ, а въ послѣдствіи времени стали передавать его письменно. Въ этомъ отношеніи подъ именемъ преданія вообще разумѣется способъ, посредствомъ котораго передавалось или сообщалось Божественное откровеніе. Тотъ и другой способъ передачи имѣеть одинаковое достоинство относительно того, что передается, т. е. самого откровенія. Первый способъ всегда былъ употребительнѣе, цѣлесообразнѣе и предпочтительнѣе второго. Апостолы проповѣдывали вѣру, основывали общества вѣрующихъ устно, живою рѣчью и предпочитали его письмени (2 Иоан. 1, 12). Потому все, что возвѣщали и проповѣдывали Апостолы устно или письменно (2 Сол. 2, 15) также называется преданіемъ (1 Кор. 11, 2) и сохраняется въ христіанскомъ обществѣ; значить подъ именемъ преданія разумѣется не только способъ передачи Божественныхъ истинъ, но и самыя истины, переданныя Апостолами (*non solum modus tradendi, sed ipsa veritas tradita*), во всей ихъ цѣлости и полнотѣ (Ап. Павелъ говоритъ ефесскимъ христіанамъ: „я сказалъ вамъ всю волю Божию“ (Дѣян. 20, 27); въ этомъ смыслѣ и Священное Писаніе входитъ въ область преданія, изъ котораго узнаемъ, какія книги составляютъ Священное Писаніе, — получаемъ ихъ, такъ сказать, изъ рукъ преданія. Въ частнѣйшемъ смыслѣ подъ именемъ преданія разумѣются такія истины божественнаго откровенія, которыя хотя не содержатся буквально въ Священномъ Писаніи, но сохраняются въ христіанскомъ обществѣ. Такъ Господь Иисусъ Христосъ, являясь апостоламъ по воскресеніи, говорилъ имъ о царствіи Божіемъ (Дѣян. 1, 3); по наставленію Его, не записанному въ Священномъ Писаніи, они устроили церкви. Ап. Павелъ возвѣстилъ ефесскимъ христіанамъ всю волю Божию; слѣдовательно го-

ворилъ не о тѣхъ только таинствахъ, которыя заключаются въ его посланіи къ Ефесянамъ, но и о другихъ, которыя сохранялись ефесскими христіанами. Солунянамъ онъ напоминаетъ, что говорилъ имъ о томъ, о чемъ кратко пишетъ въ посланіи къ нимъ (2 Сол. 2, 5). Коринтянъ хвалитъ за то, что они все помнятъ и держатъ преданія такъ, какъ онъ передалъ имъ (1 Кор. 11, 2). Изъ свящ. преданія мы знаемъ ученіе о почитаніи святыхъ, о молитвахъ за умершихъ, объ образѣ совершенія таинствъ и устройствѣ церкви, а также о символахъ вѣры, которыхъ нѣтъ въ Священномъ Писаніи, хотя есть указаніе на нихъ (2 Тим. 1, 13). Съ теченіемъ времени священное преданіе записано; существуетъ въ опредѣленіяхъ вселенскихъ и помѣстныхъ соборовъ, въ писаніяхъ Св. Отцевъ и учителей церкви и другихъ письменныхъ памятникахъ, тѣмъ не менѣе называется преданіемъ потому, что устно было предано апостолами и сохраняется въ христіанскомъ обществѣ. Если священное преданіе имѣетъ достоинство по своему жизненному характеру, сохраняясь въ средѣ христіанской жизни, то Священное Писаніе имѣетъ достоинство твердости и постоянства, какъ произведеніе, написанное самими апостолами. Отсюда опредѣляется необходимость какъ того, такъ и другого и взаимное отношеніе ихъ между собою. Они объясняются, восполняются и подтверждаются одно другимъ.

Священнымъ называется то преданіе, которое непосредственно идетъ отъ апостоловъ и сохраняется въ Церкви, но не все то, что переходитъ отъ одного христіанскаго поколѣнія къ другому относительно вѣры и благочестія. Средства для различія истиннаго, апостольскаго, или священнаго преданія отъ преданій человѣческихъ, кромѣ подтвержденія его Священнымъ Писаніемъ, заключаются въ его повсюдности, непрерывности во всѣ времена, и всеобщности, или, какъ говоритъ Св. Викентій, пресвитеръ Лиринскій V-й в.: *quod ibique, quod semper, quod ab omnibus creditum est*,—въ смыслѣ принадлежности Священнаго преданія всей истинной Церкви Христовой во всѣ времена. Протестантскіе богословы, указывая на существованіе еретиковъ въ разныхъ христіанскихъ странахъ и во всѣ времена, на частныя мнѣнія тѣхъ или другихъ церквей и церковныхъ писателей,—отвергаютъ значеніе этихъ приз-

наковъ Священнаго Преданія. Но частными и даже еретическими признаются такія мнѣнія, которыя не подходятъ подъ указанные признаки. Повсюдность, непрерывность и всеобщность преданія служатъ критеріемъ, опредѣляющимъ его достоинство и происхожденіе отъ апостоловъ. Этимъ критеріемъ Церковь всегда руководилась въ случаѣ надобности. Такъ на 1-мъ Вселенскомъ соборѣ догмать о Божествѣ Сына Божія, Иисуса Христа, противъ ереси Арія, утверждень, между прочимъ, на основаніи повсюднаго, непрерывнаго и всеобщаго преданія Церкви. Такъ поступила и наша отечественная Церковь въ XVII в., когда по вопросу о нѣкоторыхъ церковныхъ обрядахъ и обычаяхъ, выдаваемыхъ старообрядцами за истинное преданіе, обратилась къ преданію всей православной Церкви, и, на основаніи его осудила упорную привязанность къ старинѣ, выдаваемой за первобытную христіанскую древность. Римская Церковь, отдѣлившись отъ вселенской Церкви въ IX вѣкѣ, возвела на степень богопреданнаго ученія и апостольскаго преданія существовавшія въ ней частныя мнѣнія, обычаи и установленія. Не дѣлая различія между преданіями вселенской Церкви и преданіями существующими только въ ней, какъ частной Церкви,—Римская Церковь смѣшала Священное преданіе съ человѣческимъ, къ преобладанію этого послѣдняго.

Протестанты по отношенію къ священному преданію впали въ противоположную крайность. Тогда какъ римская Церковь смѣшиваетъ первоначальное апостольское преданіе съ передаваніемъ его изъ рода въ родъ, или, такъ называемою, традицію,—протестанты разрываютъ всякую связь между ними. Они признаютъ въ принципѣ божественное происхожденіе священнаго преданія, но не признаютъ его сохранившимся при переходѣ отъ однихъ поколѣній къ другимъ; поэтому отрицаютъ его самостоятельное значеніе и свойственный ему авторитетъ, признавая несомнѣнно апостольскимъ и священнымъ только то, что заключается въ священномъ Писаніи буквально, а это равносильно совершенному отрицанію священнаго преданія. Отрицая преданіе, они основываются, во-первыхъ, на томъ, что священное преданіе, входя въ жизнь, подвергается разнороднымъ вліяніямъ личныя возрѣнныя, господствующихъ идей, разнообразныхъ об-

стоятельствъ мѣста и времени и, такимъ образомъ, измѣняется и утрачивается.— Но богооткровенная истина, по обѣтованію Божію, не можетъ утратиться и извратиться въ христіанской Церкви. „Духъ истины пребудетъ съ вами во вѣки“ (Іоан. 14, 10), обѣтовалъ Іисусъ Христосъ своимъ ученикамъ, и Самъ обѣтовалъ пребывать съ ними до скончанія вѣка во всѣ дни (Мат. 28, 20). Во-вторыхъ на томъ, что преданіе, смѣшавшись съ мнѣніемъ человѣческимъ и установившимся обычаями, связываетъ свободу человѣка въ дѣлѣ богопознанія и благочестія и извращаетъ ихъ. Но это можетъ случиться только тогда, когда священное преданіе смѣшивается въ человѣческомъ. Протестанты стоятъ на законной почвѣ, когда вооружаются противъ злоупотребленій римской Церкви, но они совершенно не правы, когда изъ-за злоупотребленій вещь истребляютъ самую вещь, не воспользовавшись средствами для опредѣленія истиннаго преданія. Отвергая священное преданіе, они разрываютъ историческую связь съ вѣрующими предшествовавшихъ временъ, не имѣютъ твердости и устойчивости противъ вторженія идей, враждебныхъ христіанской религіи, доказывая своимъ состояніемъ справедливость положенія, что вѣра, при одномъ писаніи, безъ преданія, стоять не можетъ.— У протестантовъ она держится, благодаря тѣмъ остаткамъ священнаго преданія, которые непослѣдовательно въ немъ сохраняются.

О Церкви, какъ хранительницѣ и провозвѣстницѣ Богооткровеннаго ученія.

Говоря о Священномъ Писаніи и Священномъ Преданіи мы не однократно упоминали о свидѣтельствѣ Церкви по вопросу объ ихъ подлинности и достовѣрности, какъ источниковъ богооткровеннаго ученія. Въ самомъ дѣлѣ, Церковь находится въ ближайшемъ и непосредственномъ отношеніи и въ самой тѣсной и существенной связи съ богооткровеннымъ ученіемъ. Богъ давалъ откровенія избраннымъ и вдохновеннымъ отъ Него людямъ, которые передавали его другимъ, и соотвѣтственно ему устроили жизнь. Такимъ образомъ является на землѣ общество людей, соединенныхъ между

собою, на основаніи божественнаго откровенія; это общество образовалось и получило опредѣленное устройство по непосредственному дѣйствию Божію чрезъ богоизбранныхъ и боговдохновенныхъ мужей; потому есть общество богоустановленное, или богоутвержденное, т. е. Церковь Божія. Церковь основана самимъ Иисусомъ Христомъ, непосредственными Его дѣйствіями и распоряженіями. Онъ сказалъ: Созижду Церковь Мою (Мат. 16, 18) и, дѣйствительно, создалъ ее, преподавъ ей свое ученіе и опредѣливъ ея устройство. Ап. Павелъ именуетъ Церковь христіанскую назданною на основаніи апостолъ и пророкъ, сущу краеугольну самому Иисусу Христу (Еф. 2, 20—21). Церковь сохраняетъ и возвѣщаетъ богооткровенное ученіе всѣмъ людямъ. Только въ Церкви Христовой возможно знать, что Богъ открывалъ людямъ, чему училъ и что сдѣлалъ Иисусъ Христосъ, вообще, что нужно человѣку для религіознаго сюза и общенія съ Богомъ.

Какъ въ изслѣдованіи о Священномъ Писаніи и Священномъ Преданіи существенной вопросъ—объ ихъ подлинности и достовѣрности, такъ въ изслѣдованіи о Церкви существенный вопросъ—о томъ, какая изъ существующихъ, отдѣльныхъ одна отъ другой Церквей есть истинная Церковь Христова.

Истинная религія одна; точно также и истинная Церковь должна быть одна; словами символа вѣры мы исповѣдуемъ свою вѣру въ единую Церковь. Потому необходимо указать признаки истинной Церкви, чтобы отличить ее отъ другихъ христіанскихъ обществъ. Указаніе этихъ признаковъ сопряжено съ затрудненіемъ отъ того, что каждая изъ Церквей, отдѣлившись отъ другихъ, выдаетъ себя за единственную истинную Церковь и указываетъ такіе признаки, которые всего болѣе прилагаются къ ней. Но это затрудненіе нельзя назвать неодолимымъ. а) Церковь одна; слѣдовательно одна и таже во всѣ времена, по обѣтованію Иисуса Христа: „и врата ада не одолѣютъ ея“ (Мат. 16, 18) и по ученію и продолженію Его царства на землѣ, или Церкви до окончанія вѣка (I Кор. 15, 25—26). Отсюда первый и главный признакъ истинной Церкви—тождество и неизмѣнное согласіе ея во всѣ времена, по ученію и всему устройству или непрерывность ея историческаго существованія и непрерывное преемство священства чрезъ рукоположеніе, идущее отъ Апостоловъ. Всѣ эти частныя черты состав-

ляютъ одинъ признакъ, который выражается въ нераздѣльномъ единствѣ Церкви христіанской въ продолженіе ея первыхъ вѣковъ, по крайней мѣрѣ двухъ главнѣйшихъ ея половинъ: восточной и западной. Въ IX вѣкѣ произошло отдѣленіе западной половины ея отъ восточной. Сохраненіе Церкви въ томъ видѣ по ученію и устройству, въ какомъ она была во время отъ апостоловъ, по крайней мѣрѣ, до IX вѣка составляетъ несомнѣнный признакъ истинной церкви. Что касается восточно-православной Церкви, то этотъ признакъ имѣетъ полное и совершенное приложеніе къ ней, такъ какъ въ ней за все это время не произошло никакихъ измѣненій въ ученіи и устройствѣ. Восточно-православная неизмѣнно сохраняетъ то, что существовало въ ней въ первые IX вѣковъ. Эту неизмѣнность ея признаютъ и протестанскіе писатели, называя ея православною (orthodoxe) въ смыслѣ вѣрности ея древнимъ символамъ. Но она есть Церковь православная и въ болѣе глубокомъ смыслѣ правовѣрія, правильнаго прославленія Бога, вообще, правости и цѣлости вѣроученія и всего устройства. Но никакъ нельзя сказать того же о римской Церкви, которая съ IX вѣка вступила на путь измѣненій и нововведеній; такъ она измѣнила догматъ объ исхожденіи Св. Духа, ввела догматъ о главенствѣ римскаго епископа надъ всею Церковью и его непогрѣшимости и друг., получила устройство, приспособленное къ характеру земныхъ царствъ. Состояніе ея тѣсно связано съ состояніемъ среднихъ вѣковъ по ученію и устройству. Къ протестанскимъ обществамъ, отдѣлившимся отъ римской Церкви въ XVI в., не приложимъ этотъ признакъ истинной Церкви. Каковы бы ни были причины отдѣленія ихъ отъ римской Церкви, протестанты расторгли историческую связь съ первобытною вселенскою Церковію. Протестанство поставило одноличный разумъ верховнымъ судьей въ дѣлахъ вѣры, и такимъ образомъ открыло широкій входъ въ свои общества рационализму. Признавая свое общество единою истинною Церковью протестанты ставятъ признакомъ истинной Церкви полное согласіе ея не съ Церковью IX в., или другою какою, а съ Церковью, основанною Самимъ Иисусомъ Христомъ. Но въ томъ-то и дѣло, чтобы показать непрерывно идущую связь нынѣ существующей Церкви съ Церковью, основанною Иисусомъ Христомъ.

Порвавши историческую связь съ древнюю Церковь, протестанты тѣмъ самымъ допускаютъ, что Церковь, основанная Иисусомъ Христомъ, въ теченіи времени измѣнилась и извратилась, словомъ: не сохранилась во всей своей чистотѣ и цѣлости, несмотря на обѣтованіе: „и врата ада не одолѣютъ ея“. А потому, еслибы Церковь ихъ и была во всемъ согласна съ первобытною Церковью, во всякомъ случаѣ, она была бы не та, которая была основана Иисусомъ Христомъ, а вновь созданная людьми. Протестанты называютъ восточно-православную Церковь неподвижною, чуждою прогрессивнаго развитія догматовъ вѣрученія, въ сравненіи съ своими обществами. Чтобы понять дѣйствительное значеніе этого упрека, надобно точное разграниченіе сторонъ и предметовъ, къ которымъ приложимо понятіе прогресса и развитія. Приложимое къ дѣятельности человеческой, оно ни въ какомъ смыслѣ не приложимо къ Божественному откровенію и его ученію. Божественное ученіе дано людямъ и должно быть сохраняемо неизмѣннымъ во всѣ времена; другихъ откровеній, кромѣ данныхъ Иисусомъ Христомъ и возвѣщенныхъ апостолами, не обѣщано (Гал. 1, 8); напротивъ, повелѣно соблюдать то, что заповѣдалъ Иисусъ Христосъ апостоламъ (Мат. 28, 20). Прогрессъ и развитіе должны состоять въ большемъ и большемъ усвоеніи даннаго откровенія и приложеніи его къ жизни, да будетъ Богъ все во всемъ (I Кор. 15, 28).

Но историческая связь и непрерывность существованія Церкви отъ временъ апостольскихъ не единственный признакъ истинной Церкви, тѣмъ болѣе, что этотъ признакъ легко обращается въ свою пользу тѣми христіанскими обществами, которыя, дѣйствительно, состоятъ во внѣшней связи съ Церковью апостольскою, сохраняютъ непрерывную преемственность священства отъ апостоловъ; таковы общества Несторіанъ, Монофизитовъ или Яковитовъ, Армянъ, отдѣлившись отъ вселенской Церкви съ 5-го вѣка. Такова римская Церковь; Англиканская усиливается доказывать, несмотря на свое протестанство, непрерывную преемственность отъ апостоловъ, чрезъ римскую Церковь, существующаго въ ней епископства.

Другой признакъ истинной Церкви имѣетъ въ своемъ основаніи тоже начало единства. Церковь едина, не только

во всѣ времена, но и во всѣхъ мѣстахъ, у всѣхъ народовъ, какъ сказалъ Иисусъ Христосъ Апостоламъ: шедше, научите вся языки, крестяще ихъ во имя Отца и Сына и Святаго Духа, учаще ихъ блюсти вся, елика заповѣдахъ вамъ; и се Азъ съ вами есмь во вся дни до скончанія вѣка“ (Мат. 28, 19—20). Поэтому Церковь Христова именуется каволическою, т. е. вселенскою, или соборною. Если она фактически не состоитъ изъ всѣхъ народовъ міра, если и христіанскіе народы не составляютъ одной Церкви, тѣмъ не менѣе истинная Церковь Христова есть вселенская по характеру богооткровеннаго ученія, которое дано всѣмъ людямъ.—Истинная Церковь Христова, по своему устройству имѣетъ всѣ средства къ сохраненію богооткровеннаго ученія, противъ всякихъ вліяній мѣста, времени, національныхъ особенностей, господствующихъ идей и направленій. По устройству своему церковь вселенская состоитъ изъ многихъ частныхъ, помѣстныхъ или народныхъ Церквей, независимыхъ одна отъ другой, но состоящихъ въ живомъ общеніи и союзѣ между собою. Всѣ частныя или національныя Церкви вмѣстѣ составляютъ единую вселенскую Церковь. Общимъ и торжественнымъ выраженіемъ вселенскаго характера Церкви были вселенскіе соборы, на которыхъ собирались представители всѣхъ частныхъ Церквей въ лицѣ ихъ епископовъ. Потому опредѣленіе вселенскихъ соборовъ обязательно для всей Церкви вселенской на всѣ времена. Такова православная церковь и теперь. Ни одна частная Церковь не можетъ имѣть власти и преобладанія надъ всею Церковью; во вселенской православной Церкви, не было и нѣтъ лица, облеченнаго вселенскою властью, потому что всѣ пастыри ея равны между собою, какъ епископы, а отличаются между собою только преимуществами чести, но не власти. Не имѣя власти надъ другими Церквами, каждая частная Церковь, какъ независимая, или автокефальная, пользуется всѣми благодарованными средствами для преуспѣянія и духовнаго совершенствованія своего народа, соотвѣтственно особенностямъ его національнаго характера въ союзѣ и общеніи съ другими автокефальными православными Церквами. При такомъ устройствѣ, Церковь Христова всегда сохраняла богооткровенное ученіе, отвергая притязанія на преоблада-

ніе въ ней воззрѣній и ученій, свойственныхъ тѣмъ или другимъ временамъ, національностямъ и частнымъ Церквамъ. Такъ еще во времена апостоловъ были люди, стремившіеся превратить благовѣствованіе Христова въ иное благовѣствованіе. Церковь всегда противостояла этимъ стремленіямъ и отвергала ихъ. Христіане изъ іудеевъ стремились сдѣлать обязательнымъ для всѣхъ христіанъ соблюденіе обрядоваго закона Моисеева, но Церковь апостольская отвергла это притязаніе христіанъ изъ іудеевъ. Въ лицѣ гностиковъ отвергнуты религіозныя воззрѣнія грековъ, персовъ и египтянъ, вторгавшіеся въ церковь.—Въ лицѣ Арія, Несторія, Евтихія и другихъ еретиковъ подверглись той же участи попытки рационалистическихъ направленій деизма и пантеизма проникнуть въ христіанское вѣроученіе. Въ IX в. Церковь отвергла притязаніе латинской расы на вселенское господство въ Церкви, въ лицѣ римскаго папы, какъ представителя племенныхъ стремленій латинства. Съ XVI вѣка Церковь отвергаетъ протестанство, свойственное народамъ германскаго племени. Отвергая всѣ подобныя попытки къ преобладанію въ дѣлѣ вѣры, вселенская Церковь сохраняетъ данное для всѣхъ людей богооткровенное ученіе и возвѣщаетъ его всѣмъ. Вѣроученіе, содержащее въ символахъ, вѣроопредѣленіяхъ вселенскихъ соборовъ и символическихъ книгахъ, служитъ неизмѣнною нормою богопознанія, доступною и обязательною для всѣхъ.

Оно раскрывается въ богословскихъ системахъ въ полнотѣ и подробностяхъ; но всегда болѣе или менѣе подъ вліяніемъ нуждъ и потребностей времени и обстоятельствъ, — тѣхъ или другихъ средствъ, представляемыхъ современнымъ состояніемъ наукъ и образованности. Задача богословской науки состоитъ въ томъ, чтобы при разнообразныхъ условіяхъ сохранить цѣлость и чистоту вѣроученія вселенской Церкви. Образцами наилучшаго выполненія этой задачи служатъ писанія святыхъ отцевъ Церкви, въ ихъ согласіи между собою. Богословская наука, какъ дѣло человеческое, никогда не выдается за неизмѣнное ученіе Церкви православно-каеолической. Вѣроученія Церкви, излагаемаго въ символахъ и символическихъ книгахъ, нельзя смѣшивать съ научно-богословскими изложеніями его. Смѣшеніе ихъ подвергаетъ христіанское богооткровенное ученіе не-

справедливому нареканію, будто она налагаетъ на разумъ человѣческой оковы и служитъ препятствіемъ къ развитію и благосостоянію человѣческихъ обществъ. Этому нареканію справедливо подвергаются тѣ христіанскія общества, отдѣлившіяся отъ единой вселенской Церкви Христовой, которыя выдаютъ научно-богословскія положенія того или другаго времени за откровенныя истины. Но этого нареканія всегда была чужда православно-каеолическая Церковь, не смѣшавшая богооткровеннаго ученія, предлагаемаго ею въ символическихъ вѣроизложеніяхъ, съ тою или другою системою богословія, какъ дѣла человѣческаго.

Христіанскій міръ издавна раздѣленъ на многія вѣроисповѣдныя общества, не имѣющія общенія между собою и не составляющія единой Церкви Христовой. Слышатся упреки, что раздѣленія происходятъ изъ-за тонкихъ догматическихъ вопросовъ; но эти вопросы таковы, что чрезъ такое или иное разрѣшеніе ихъ преподается людямъ или вселенская богооткровенная истина, или человѣческое измышленіе. Если въ христіанскомъ мірѣ увеличивается сознаніе основнаго единства по вѣрѣ и началамъ жизни, вмѣсто разобщенія, то это одинъ изъ самыхъ лучшихъ признаковъ истинности христіанства, указанный самимъ Іисусомъ Христомъ: „по этому узнаютъ всѣ, что вы Мои ученики, если будете имѣть любовь между собою“ (Іоан. 13, 35).

СОДЕРЖАНІЕ.

	Стр.
Предисловіе.	I—II.
Введеніе	1
О религіи.	6
О Божественномъ Откровеніи.	34
Недостаточность естественнаго Богопознанія для религіи	49
О сверхъестественномъ Откровеніи.	51
О способахъ сообщенія Божественнаго Откровенія людямъ или	
о Божественномъ вдохновеніи	90
О Священномъ Писаніи	95
О Священныхъ книгахъ Ветхаго Завѣта	98
О Ветхозавѣтной религіи	104
О Священномъ Преданіи	121
О Церкви, какъ хранилищѣ и провозвѣстницѣ Богооткро- веннаго ученія.	124
